

Список литературы

1. Штомпка, П. Социальное изменение как травма : [ст. первая] // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
2. Серто, М. По городу пешком // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7. – № 2. – С. 24–38.
3. Ерохина, Е. А. Коллективная память в этническом самосознании горноалтайской молодежи // Социологические исследования. – 2009. – № 3. – С. 115–120.
4. Плетц, Г. Международное значение репатриации «Укокской принцессы» (готова ли российская археология к диалогу с коренными народами?) / Г. Плетц, В. И. Соёнов, Н. А. Константинов, Э. Робинсон // Древности Сибири и Центральной Азии. – 2014. – № 7. – С. 17–45.
5. Кнорре, Б. К. Современный алтайский шаманизм в контексте национальной религиозной политики Республики Алтай // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: История, Филология. Культурология. Востоковедение. – 2016. – № 12. – С. 89–114.
6. Тадина, Н. А. Два взгляда на бурханизм у алтай-кижи // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – Т. 16. – № 4. – С. 159–166.
7. Хвастунова, Ю. В. Некоторые методологические аспекты исследования религии (на примере религиозной ситуации в Республике Алтай) // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 356. – С. 42–44.
8. Ерохина, Е. А. Этническое многообразие в цивилизационном и геополитическом пространстве России. – Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 2014. – 240 с.

Elena A. Erokhina, Dr. of Philosophical Sciences
Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia)
leroh@mail.ru

**ETHNIC AND CONFESSIONAL LANDSCAPE OF THE GREAT ALTAI:
OLD TRADITIONS AND A NEW RELIGIOSITY**

Abstract. Some obvious social and demographic tendencies appeared on the cups of the 20th and 21st centuries can be considered as the modern society's collective response to global challenges; among such trends: resurrection of a family and tribal forms of social organization, mass return to ethnically driven economic set-up, a protest against cruel technocratic pressure entailed by modernization processes, and uprising of religious syncretism. On the author's guess, giving people's memory a status of a sacral thing is one of possible method to involve tangible and intangible cultural heritage for overcoming collective trauma caused by modernization.

Keywords: *Altai, Central Asia, Siberia, the Altai Republic, Altaians, Russians, modernization processes, collective memory, historical and cultural heritage, globalization.*

УДК 281.96(571.15)“18”:327.58

DOI: 10.32340/2414-9101-2020-3-83-92

Л. Н. Мукаева, кандидат исторических наук, доцент
Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия)
larnika777@yandex.ru

**«ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ГЛАСНЫМИ ПРАВИТЕЛЬСТВУ»:
ИСТОРИЯ ПРИНЯТИЯ БЕГЛЫХ СТАРООБРЯДЦЕВ АЛТАЯ
В РОССИЙСКОЕ ПОДДАНСТВО В КОНЦЕ XVIII В.**

Аннотация. Рассмотрены обстоятельства восстановления в конце XVIII в. южно-алтайскими старообрядцами (субэтническая группа сибирских староверов), известными в научной и краеведческой литературе как *бухтарминские* и *уймонские раскольники-каменщики*, политико-правовой

связи с российским государством. По заключению автора, старообрядческие сообщества, заселившие долину р. Бухтармы (ныне – Восточно-Казахстанская область, Казахстан) и Уймонскую долину (ныне – Республика Алтай, Россия), будучи до 1791 г. на положении «беглых людей», сыграли заметную роль в хозяйственном освоении юго-западной части Алтая в XVIII в., обеспечили сохранение российского господства над рядом спорных территорий на границе с Китаем. Удалённость алтайских земель от административного центра и губернских столиц российского государства, хозяйственно-экономическая заинтересованность имперской власти в политической лояльности старообрядцев, возможность скрыться в китайском пограничье от недоброжелательства господствующей Церкви явились важными факторами формирования готовности старообрядцев к миграции в российское этноконфессиональное и хозяйственно-культурное пространство.

Ключевые слова: старообрядчество, старообрядцы, Алтай, южно-алтайские старообрядцы, побеги раскольников в Алтайское высокогорье, Бухтарма, Уймонская долина, принятие российского подданства.

Небольшой, но значительной и яркой частью широкого мира русского Раскола являются южно-алтайские старообрядцы, осваивавшие южные склоны Алтайских гор с середины XVIII в. Хотя появление русских староверческих поселений в Алтайских горах на границе с Китаем было частью общего исторического процесса освоения Сибири в XVIII в., землепроходческое движение раскольников в этом регионе имело свои специфические особенности, обусловленные их особым конфессиональным и социально-правовым положением после церковного Раскола 1650-х гг. Многие дореволюционные исследователи, посетившие южную часть Алтайского горного округа, то есть Горный Алтай, обращали внимание на своеобразие культуры и поведенческих стереотипов старообрядческого населения Уймона и Бухтармы, которое отличало его от остальной массы сибиряков и придавало неповторимый колорит внешнему облику, образу жизни и быта [1, с. 543]. Одни авторы объясняли это своеобразие вековой жизнью среди суровых неприступных гор и изоляцией от остальных центров Алтая и Сибири. Другие связывали особенности жизни и быта местных староверов с природным фактором, с развитием горного дела на Алтае и с близостью к ним внешних рынков Китая и Монголии [2, с. 122].

По устным преданиям староверов, зафиксированным в краеведческой литературе, следует, что они в Алтайских горах появились сразу же после церковного Раскола. Это в какой-то степени согласуется со сведениями сибирского иеромонаха Алексия (Кузнецова) об очень раннем появлении старообрядчества в Западной Сибири. Об этом же писал томский протоиерей Д. Беликов в работе «Старинный раскол в пределах Томского края» [3, с. 4]. Резкое увеличение раскольничьей миграции в Сибирь произошло в конце XVII в. после указа «Двенадцать статей» царевны Софьи о сожжении на кострах староверов, принятого в 1685 г. [4, с. 195]. Но что касается юго-западной части Алтайских гор, то здесь старообрядцы появились на несколько десятков лет позже.

Проникновению русского населения в Алтайские горы способствовало промышленное освоение уральским магнатом А. Н. Демидовых с 1723 г. рудных месторождений, открытых в предгорьях сибирскими рудознателями. Поскольку в малолюдном регионе работников не хватало, то на свои алтайские предприятия А. Н. Демидов отправлял с Урала горнорабочих, поголовно являвшихся, по утверждению Д. Н. Беликова, раскольниками. Демидовские приказчики: Родион Набатов, Григорий Сидоров и Кудрявцев, руководившие алтайскими рудниками и заводами, к тому же были «закоренелыми» расколоучителями. Д. Н. Беликов выяснил, что Родион Набатов был «точкой опоры раскола на Алтае», Григорий Сидоров покровительствовал барнаульским старообрядцам, а Кудрявцев устроил на р. Чарыш женский раскольничий монастырь [3, с. 17].

После перевода горных предприятий А. Н. Демидова в царскую собственность в 1747 г., управлявшейся Кабинетом Её (позже Его) Императорского Величества, окружным звеном которого на Алтае являлась администрация Колывано-Воскресенских заводов, приток старообрядцев на алтайские рудники и заводы в 1750 – 1770-х гг. продолжился. По словам Д.Н. Беликова, среди переведенных с Урала рабочих в кабинетский период «раскольников было предостаточно»

[3, с. 17–18]. Положение алтайских раскольников в кабинетский период ухудшилось. Горное начальство заставляло их вносить двойной оклад за себя и умерших «братий» до официального их исключения из списков по новой ревизии. Так, в 1750 г. Колывано-Воскресенская администрация принуждала старообрядцев ближайших к Колыванскому заводу селений заплатить двойную подать за последние четыре года не только за себя, но и за самосжѣгшихся в 1746 г. «одноверцев». Немудрено, что староверы приходили к мысли: не податься ли им от таких чрезмерных податей подальше в горы [3, с. 45]. Значительно увеличилось число беглецов во время переписи русских обывателей Алтая и причислении их к кабинетским заводам в 1763 г. Тогда раскольники со своими семьями и «удобно движимым» имуществом ушли в непроходимые ущелья Алтайских гор, то есть за «Камень» [1, с. 547]. Но официальная власть того времени, как видно из документов, извлечённых дореволюционным исследователем Б. Герасимовым из архива Верх-Бухтарминского волостного правления, утверждала, что раскольники бежали в горы «от своей глупости, от своего глупого разума» [5, с. 5].

Сложно датировать точное время появления старообрядческих поселений в Алтайских горах. Исследователи указывали на то, что ещё до основания Бухтарминской крепости в 1763 г. по всей Верхней Бухтарме уже раскинулись раскольничьи деревушки [5, с. 4–6]. Современный историк Т. С. Мамсик относит начало заселения южных отрогов Алтайских гор старообрядцами к 1720-м гг. [6, с. 26, 63]. Раскольники сначала появились в черневой тайге Кузнецкого края (ныне Кемеровской области), но с приближением к ним зоны освоения русским населением, ушли в отдалённые горные места юго-западной части Алтая [1, с. 546]. По сведениям досоветского историка Г. И. Спасского, четыре старовера сначала остановились на западных склонах Холзунского хребта, но после того, как военная команда открыла их убежище и поймала одного из них, оставшиеся переселились в южные неприступные отроги Катунского хребта, с которых стекали Верхняя Катунь, называемая в этом районе до слияния с р. Коксу Уймоном, и многочисленные притоки Бухтармы [7, с. 85].

Осваиваемая староверами территория в высокогорной зоне верховий Бухтармы и Катунь получила названия: «Каменные горы», «Камень», а укрывавшиеся за «Камнем» беглецы соответственно именовались «каменщиками» [8, с. 13]. В официальных документах начала XX в. южно-алтайские каменщики назывались «безымянными людьми», «беглыми преступниками-раскольниками», «авантюристами», «бродягами» [9, с. 75]. В церковных материалах они характеризовались словами: «весь сброд», «вся эта вольница» [5, с. 6]. Досоветский исследователь, протоиерей Б. Герасимов на примере бухтарминской деревни Сенной указывал, что ещё в начале XX в. за потомками каменщиков держались клички «плетюганы», то есть «битые плетьюми», и «ясашные мясорубы», то есть люди, погибшие в результате поножовщины [5, с. 6]. Профессор Е. Ф. Шмурло при описании вольных каменщиков называл их «полу-удальцами, полу-разбойниками» [8, с. 62].

Во второй половине XVIII в. каменщики выбирали для себя самые неприступные каменные ущелья по правым притокам Бухтармы и Верхней Катунь. Убежища каменщиков оказались настолько надёжны, что военные команды могли поймать беглых староверов только тогда, когда они навещали своих родственников в заводских селениях [1, с. 550]. В Камне старообрядческие поселения со всех сторон были укрыты высочайшими горами и бурными полноводными реками. Здесь в неприступных отрогах Алтайских гор, в лесах, горных ущельях и долинах последователи старой веры могли свободно жить, исполняя свои обряды [10, с. 2]. Верх-Бухтарминский и Верх-Катунский районы являлись для них той «пустыней», где они надеялись обрести спасение от воцарившегося, по их глубокому убеждению, в России Антихриста. В досоветской исследовательской литературе начала XIX в. этот район назывался Южными Алтайскими горами, то есть Южным Алтаем [7, Ч. 3., с. 28]. Впоследствии название «Южный Алтай» перешло на горный хребет, расположенный в настоящее время на юге Восточно-Казахстанской области и Кош-Агачского района Республики Алтай РФ. Что касается Верх-Бухтарминского и Верх-Катунского региона, обживаемого беглыми старообрядцами во второй половине XVIII в., то в наши дни он является

юго-западной частью субъекта РФ – Республики Алтай и южной частью Восточно-Казахстанской области. Современные южно-алтайские старообрядцы проживают локально в высокогорной Уймонской долине Усть-Коксинского района Республики Алтай; в Казахстане они по-прежнему занимают бухтарминские равнины.

История южно-алтайских староверов в XVIII в. включает два неравнозначных периода: первый до 1791–1792 гг., когда каменщики, будучи беглыми, находились на положении «государственных преступников» и второй – после «императорских прощений» 1791–1792 гг. для бухтарминцев и 1798 г. – для уймонцев. Если по истории уймонских и бухтарминских каменщиков XIX – XX вв. со временем сложилась научно-исследовательская и краеведческая литература, появились различные источники, в том числе официальная и церковная статистика, труды учёных и путешественников, то по первому периоду их жизни в Алтайских горах, полной скитаний, лишений, приключений и ярких событий существуют только скупые отрывочные и фрагментарные сведения не очень высокого уровня информативности. Самое полное описание жизни беглых каменщиков второй половины XVIII в. отложилось в труде Г. И. Спасского «Путешествие по Южным Алтайским горам в 1809 г.», опубликованном в «Сибирском вестнике» за 1818 г. [7]. Именно на этой работе сибирского историка базировались сочинения последующих исследователей южно-алтайского староверия: А. Г. Принтца, Е. Ф. Шмурло и Н. М. Ядринцева, дополненные архивными материалами, извлечёнными этими учёными из местных архивов и данными устной истории, полученные ими от потомков каменщиков.

Итак, в горных ущельях южных склонов Катунского хребта преимущественно по берегам Верхней Катунки, Белой, Язовой и другим притокам р. Бухтармы каменщики устраивали свои поселения. Спускаясь с гор в селения, в которых проживали их близкие, беглые каменщики сманивали их в горы. Родственники и знакомые беглых старообрядцев, по словам Г. И. Спасского, будучи «ослеплены их соблазнительными повествованиями, оставляли свои жилища и переселялись со своими семьями в высокогорную страну, в то время пустую и неведомую» [7, с. 86]. В Камень беглецы, как правило, отправлялись весной. За лето они старались срубить при какой-нибудь речке промысловую избушку на несколько человек, или же поселялись у других каменщиков, уже имевших собственное жильё. Со слов потомков первых каменщиков исследователь А. Г. Принтц записал, что устройство промысловых избушек было самым простым, строили их таким образом, чтобы один угол избы обязательно приходился над родником. Подобные предосторожности предпринимались для того, чтобы не прорубать проруби на ключах и брать воду, не выходя из избы. Для хранения съестных припасов рядом с избушкой возводили амбар (сайву), обрубая на высоте в 7–8 аршин четыре близко стоящих друг другу дерева. На них укладывали помост из досок и покрывали его двухскатной крышей [1, с. 548–549]. Путешественнику К. Ф. Ледебуру в 1826 г. его проводник, сельский староста д. Фыкалки показал горное ущелье, где он жил со своим отцом в маленькой промысловой «хижине», придя в Камень 14-летним мальчиком [2, с. 132].

Первые раскольничьи поселения были небольшими, всего в несколько дворов, от 1 до 3, разбросанных по горным долинам и ущельям Верх-Катунского высокогорья. За короткий срок район покрылся жилищами, банями, амбарами и в отдельных случаях даже небольшими мельницами. Центром расселения староверов в Камне стала деревня Фыкалка. Эта «прародительница русских горных поселений раскольников», по выражению исследователя Г. Д. Гребенщикова, первоначально называлась Большой Деревней, в которой насчитывалось 7 дворов, и это было много по сравнению с однодворками [10, с. 6]. От Большой Деревни по бухтарминским притокам: Берелю, Нарыму, Белой, Тургусуну и другим рекам до Верх-Катунских ущелий потянулись остальные посёлки-заимки в 1–3 двора. Заимки даже в один двор, если там были женщины, домашние животные, предметы технического прогресса того времени (топор), представляли собой значительное культурное явление [11, с. 52]. Малодворные поселения за счёт новых беглецов расширялись и превращались уже в стационарные населенные пункты. Так в 1742 г. появились деревни: Белая, Печи, Язовая, Коробиха; в 1750 г. – Сенная; в 1751 г. – Быкова. Верх-Катунский район тоже

за короткий срок покрылся однодворками, причём их обитатели свободно переходили из одного ущелья в другое в поисках лучшего места.

Жизнь каменщиков, описанная историком Г. И. Спасским, публицистом Г. Д. Гребенщиковым и другими исследователями, в первые годы освоения Алтайского высокогорья была тяжёлой. В Камне даже самый обычный топор являлся, по словам Г. Д. Гребенщикова, большой «роскошью». Ведь с помощью топора беглый старOVER мог построить себе жильё, запастись топливом на зиму, соорудить переправу через бурную реку во время своих охотничьих странствий по высокогорной тайге или срубить небольшой плот (салок). Не случайно «счастливый обладатель» топора никогда не выпускал его из-за пояса [10, с. 5].

На первых порах каменщики сильно страдали от отсутствия хлеба, заменяя его черемуховой и тальниковой корой. Но «колоссальная сила воли» все побеждала [10, с. 5–6]. В горах беглецы объединялись в небольшие промысловые товарищества (артели), зачастую представлявшие семейно-клановые сообщества. Со временем беглые старOVERы завели пашни, обзавелись домашним скотом и стали жить «в достатке» [8, с. 13]. Они сообща засеивали хлеб, косили сено, занимались рыбной ловлей на реках и речках. По уверениям Г. И. Спасского, богатая, никем до них не возделанная, земля щедро их вознаграждала [7, с. 86]. Но главным занятием южно-алтайских старOVERов была охота, имевшая уже на первых порах заселения Камня товарный характер. На охоту в тайгу каменщики отправлялись осенью, возвращаясь в свои жилища весной. В среднем, один охотник за сезон добывал 20 соболиных шкур и 100 беличьих, не считая рысьих, волчьих, медвежьих и других шкур. Свою добычу они очень выгодно сбывали приграничным китайцам и монголам за серебро, чай, шёлковые и хлопчатобумажные ткани. Старообрядцы охотно занимались и рыбным промыслом. Они небольшими партиями отправлялись на устье Бухтармы, отсюда переходили на правоиртышский приток – р. Нарым. Здесь каменщики выдалбливали из стволов деревьев небольшие челноки, с которых ловили самоловами осётров и стерлядей. Выловленную рыбу для предотвращения порчи они сушили и вялили. Очень часто рыбного улова случалось так много, что старOVERы навьючивали его десятки лошадей, за которыми посылали нарочных по окончании лова [1, с. 549]. В некоторых случаях каменщики за рыбой отправлялись на озеро Зайсан, скрытно пробираясь ночами мимо китайских пикетов, или же добирались до Тихого или Чёрного Иртыша, где устраивали станы. На Иртыше они ловили рыбу, выдр, бобров. Бобровую струю каменщики солили, затем продавали бухарским и китайским купцам, приехавшим с левой стороны Иртыша. Трудным делом для беглецов являлась добыча соли, которой в Алтайских горах не хватало. Соль они частично получали от казахов, частично добывали сами из самосадочных озёр, расположенных в 50 верстах от Локтевского завода. На Локтевские солёные озера каменщики, чтобы не быть пойманными, пробирались ночами, днём они укрывались в потаённых местах. Набранную соль старообрядцы складывали в перемётные сумы, с которыми отправлялись назад [1, с. 550]. Домашний скот (лошадей, а впоследствии уже в легализованный период крупный рогатый и мелкий скот) южно-алтайские старOVERы выменивали у казахов и алтайцев за хлеб. Использовали каменщики и полезные ископаемые. Так, Г. И. Спасский писал, что каменщики прекрасно были осведомлены о селитряных пещерах в местах, где они обитали; селитра им была необходима для изготовления пуль [7, с. 72–75]. Уже во второй половине XVIII в. беглые старOVERы создали в Алтайских горах промыслово-товарное хозяйство, позволявшее им относительно безбедно существовать.

Хозяйственные успехи каменщиков породили слухи о богатой крестьянской стране, отделённой от остального мира непроходимыми горами. Горные деревушки Верх-Бутарминско и Верх-Катунского края являлись заветной мечтой для заводского люда и приписных крестьян Алтая. Предприимчивые, инициативные люди надеялись стать за «Камнем» крепкими хозяевами. За высокими каменными хребтами находили прибежище не только раскольники, но и солдаты, спасавшиеся от рекрутской службы, мастера, не желавшие отбывать тяжёлые повинности на заводах и рудниках Кабинета Его (Её) Императорского Величества. По мнению известного дореволюционного краеведа С. И. Гуляева, беглецы от заводских работ в значительной степени

способствовали заселению русским элементом южной части Алтая. Основная масса каменщиков была старообрядческой. Остальные беглые: горнорабочие, солдаты и др., если даже и придерживались официальной православной религии, то под влиянием своих товарищей переходили в раскол. Численность беглецов, стекавшихся в южные отроги Катунского хребта, быстро увеличивалась, росло и количество горных поселений [12, с. 37]. За короткое время горные поселения беглых раскольников заметно увеличились в численности и в благосостоянии [13, с. 75]. Поселения беглых старообрядцев в Алтайском высокогорье впервые открыл прапорщик Зеленый, разыскивавший в составе большой горно-поисковой экспедиции 1761 г. руды в верховьях Бухтармы. Здесь в каменном ущелье бухтарминского притока Тургунсуна он нашёл промысловую избушку, а в ней двоих каменщиков, которых ему не удалось схватить, поскольку те смогли уйти выше по ущелью [1, с. 551]. Всего горно-поисковая экспедиция 1761 г. зафиксировала 17 раскольничьих поселений на территории Верх-Бухтарминско-Катунского края [13, с. 76].

Западно-сибирская администрация пыталась покончить с независимыми раскольничьими сообществами. В 1770-х гг. каменщики, а на них жаловались их соседи-казахи, требовавшие своей защиты и наказания русских каменщиков, обратили на себя внимание российской и китайской властей [9, с. 78]. Правда, следует отметить, что казахи, у которых старoverы иногда уводили лошадей, в свою очередь, не оставались в долгу, они тоже нападали на каменщиков [1, с. 553]. Досаждали каменщики и администрации Кольвано-Воскресенских заводов. Но все попытки западно-сибирской администрации разгромить горные деревни старообрядцев были безуспешны. Небольшие отряды пехотных солдат (фузилёров) и драгун Бухтарминской крепости предпринимали вылазки по поиску беглых старoverов по бухтарминским притокам. Но все их попытки поймать беглецов были тщетны – каменщики бесследно исчезали в своих каменных ущельях. Казачьи отряды, посланные на поимку беглых, за редким исключением, поймать никого не могли, и ограничивались тем, что сжигали их поселения и разоряли посеы [9, с. 78].

Когда старообрядческий социум в Камне был небольшим, то каменщикам удавалось уживаться мирно друг с другом. Возникавшие ссоры или недоразумения разрешались у них с помощью наиболее авторитетных наставников [1, с. 551]. Но с появлением разнородного элемента: солдат, заводских горнорабочих, людей, бежавших от правосудия, в Каменном Алтае стало неспокойно. При отсутствии священства и церкви нравы людей, находившихся на положении беглых, черствели. В горных деревнях начались столкновения вплоть до тяжких случаев. При сравнительно большом количестве мужчин в старообрядческом социуме катастрофически не хватало женщин, начались похищения женщин и девушек [7, с. 87–88]. Вместо спокойной жизни в Камень пришли раздоры, кровная месть. Досоветскому исследователю Г. Д. Герасимову в различных местах по Бухтарме показывали могилы с захоронениями по 7–8 «мясорубов», покончивших друг с другом в ссоре [5, с. 6]. Г. Д. Гребенщиков тоже побывал на месте захоронения шестерых мясорубов, основателей Большой Деревни (Фыкалки), погибших от руки седьмого. Ему показали 6 берёз, по легенде выросших на общей могиле, правда, две из них уже свалились. Как уверяли Г. Д. Гребенщикова потомки каменщиков, современная Фыкалка была перенесена на 10 вёрст от прежней Большой Деревни [10, с. 5].

Каменщики пытались пресечь эти нежелательные для себя явления путем применения жёстких наказаний провинившихся, правда, избегая выносить смертные приговоры, чтобы не навлечь на свою душу смертный грех человекоубийства. В дореволюционной исследовательской литературе описан случай наказания в 1788 г., когда двух каменщиков, за совершенные ими преступления, привязали каждого к небольшому плоту и, снабдив одним шестом и одним хлебом, пустили вниз по бурной Бухтарме, полагаясь на волю Божью. Один из правонарушителей утонул в реке, второму удалось пристать к берегу [7, с. 89].

Желая навести общественный порядок, каменщики решили наказать всем миром самых беспокорных нарушителей спокойствия. История сохранила их фамилии – это были беглый драгун Иван Быков и Загуменный. Их поймали, вынесли приговор и уже готовились привести приговор в исполнение. Но в дело вмешался случай. За несколько дней до этого, кто-то из каменщиков

подстрелил вооружённого китайского солдата-пограничника. В старообрядческие поселения поспешил вооружённый отряд китайской пограничной стражи во главе с командиром. Китайцы как раз попали на народный сход каменщиков по осуждению правонарушителей. Они окружили участников схода и потребовали освободить Быкова и Загуменного [1, с. 552–553]. Что интересно, именно эти люди потом сыграли судьбоносную роль в событиях 1791 г.

Внутренние раздоры и тщетные меры наведения порядка собственными силами заставили каменщиков задуматься о своём пограничном положении. Они реально осознавали, что в случае экономических неудач и столкновений с казаками или китайцами, они не могут рассчитывать на государственную поддержку России. Один лишь пример. В 1787–1789 гг. старообрядческие поселения пережили трёхлетний неурожай. В 1788 г. каменщикам помогли китайские пограничные власти, снабдив их хлебом. На помощь Российского государства они, будучи беглыми, рассчитывать не могли. Все вместе взятое заставило каменщиков задуматься о государственном протекторате. К принятию такого решения их вынуждало и то, что с каждым годом скрываться становилось все труднее. По мере освоения Кабинетом юго-западной части Алтая рудники по разработке серебряных и медных руд стали закладываться в непосредственной близости от поселений каменщиков. По словам официальных властей, приближение к южно-алтайским старообрядцам горно-поисковых партий, занимавшихся поисками рудных месторождений, «навело на них страх и они, опасаясь наказания за бродяжничество, а более всего, увлекаемые фанатиками-староверами, опять бросили свои жилища, и перешли китайскую границу в подданство богдыхана» [13, с. 75]. Действительно, опасаясь наказания и последующего возвращения на прежние места жительства, староверы в 1789 г. решили добиваться для себя китайского подданства. С этой целью несколько семей каменщиков общим числом в 60 человек отправились к китайскому Чингисайскому пикету, расположенному в 35 верстах от дер. Фыкалки. Остановившись на некотором расстоянии от пикета, они отправили туда 6 человек, чтобы узнать реакцию китайского чиновника-нойона на их просьбу. Но поскольку китайцы задержали этих «послов», то остальная депутация вместе с женщинами и детьми явилась на пикет. Тогда китайский командир отправил их всех в ближайшую китайскую резиденцию – г. Кобдо (ныне г. Ховд Монгльской народной республики). Здесь русских раскольников основательно допросили, их ходатайство о вхождении в состав Китая направили в Пекин. В ожидании ответа староверов разместили в казарме, находившейся, по всей видимости, недалеко от тюрьмы, поскольку каменщики постоянно являлись невольными очевидцами наказания кобдских горожан за различные проступки и правонарушения. Довольно продолжительное пребывание русских раскольников в китайском городе находилось под постоянным и строгим контролем его властей, но в дневное время им разрешали свободно передвигаться по городу. Наконец, пришёл ответ. Рассмотрев обстоятельства и причины ходатайства о принятии староверов в китайское подданство, официальный Пекин в этом им отказал, не желая связываться с беспокойным русским элементом. К тому же Пекинский двор не желал нарушить мирный русско-китайский трактат 1728 г. [13, с. 75]. Администрация Кобдо получила приказ отправить русскую депутацию туда, откуда она явилась. Выполняя императорское повеление, местные власти, снабдив староверов лошадьми, продуктами питания: баранами, сорочинским пшеном (на самом деле рисом), хлебом, в сопровождении местных проводников отправили их в обратный путь. Для раскольников такое решение их вопроса явилось в какой-то мере облегчением. Жизнь русских каменщиков в Кобдо и наглядное знакомство с особенностями чуждой им государственно-правовой системы произвели на них такое отрицательное впечатление, что они больше не рисковали обращаться к китайцам с просьбами о вхождении их в состав Китая. Особенно поразило русских староверов то, что по китайским законам вместе с вором наказывали и пострадавшего [7, с. 93–94].

Между тем ситуация в Алтайском высокогорье быстро менялась. В Верх-Бухтарминский и Верх-Катунский край начальство Колывано-Воскресенских заводов все чаще отправляло горно-поисковые партии. С основанием Бухтарминского медного рудника в 1884 г. его разведывательные партии каждый год методично проверяли на руды бухтарминские и верх-катунские притоки.

В 1791 г. было открыто крупнейшее Зырянское серебряное месторождение с последующей закладкой на нём рудника. В результате, русские вооружённые пикеты, охранявшие горные предприятия Кабинета, ещё ближе придвинулись к поселениям каменщиков. В 1790 г. горно-поисковая партия под руководством управляющего Бухтарминского рудника, штейгера Приезжева и унтер-штейгера Литвинова разыскивала руды в верховьях Бухтармы. В состав отряда входили 24 рудоискателя под охраной 24 казаков и егерей Усть-Каменогорской военной крепости.

В исследовательской литературе существует несколько версий обстоятельств перехода каменщиков в российское подданство. По официальной версии, раскольничьи общины не смогли сохранить независимость по мере освоения региона и «постоянно возраставшей организацией всех частей Сибири» [13, с. 75]. Согласно самой распространенной версии, беглецы объявились следующим образом. Осенью 1890 г. поисковые работы партии штейгера Приезжева и унтерштейгера Литвинова уже закончились, большая часть команды и рудоискателей вернулась домой. В лагере остались Приезжев и несколько рудознатцев. Осенней ночью на стан прибыли 11 вооружённых каменщиков на конях. Они заявили о своём желании вести переговоры с главным, то есть с руководителем поисковой экспедиции Приезжевым. Последнему самый уверенный из каменщиков, а им оказался беглый драгун Иван Быков, объявил, что он и его товарищи в количестве 300 мужских душ, раскаиваясь в совершенных преступлениях, желают открыть свои убежища и стать «гласными правительству, готовы платить подати, помогать в развитии горного дела и в обороне края» [1, с. 555].

Итак, противостояние Российского государства и вольных раскольничьих общин на юге Алтая закончилось в 1790-х гг. и завершилось оно по инициативе самих раскольников. Общеизвестным является факт прощения южно-алтайских староверов императрицей Екатериной II указами от 15 сентября 1791 г. и 20 января 1792 г. и принятии их в российское подданство на положении ясачных крестьян. 25 июня 1792 г. четыре представителя – поверенных от южно-алтайского вольного сообщества: Даниил Кривошеин, Михаил Булычев, Алексей Шестаков и Василий Зайцев получили из рук местного начальства указы о своем «прощении» [14, с. 40]. Путешественник К. Ф. Ледебур в 1826 г. познакомился в дер. Фыкалке со стариком – единственным оставшимся в живых из этих четырёх поверенных, к сожалению, учёный не сообщил его имя и фамилию (2, с. 132). А в 1792 г. указы поверенным объявили правитель Колыванского наместничества генерал-поручик Меллер, линейный (казачий) генерал-майор Страндеман и начальник Колывано-Воскресенских заводов Г. С. Качка. В представленном поверенными списке, по мнению А. Г. Принца, далеко не полном, значились 318 фамилий новых подданных: 250 мужских и 68 женских. А. Г. Принц утверждал, что цифра в 318 душ была неточной, поскольку многие из каменщиков в это время находились на охоте и других промыслах [1, с. 556]. К 1792 г. общее число старообрядческих поселений по Верхней Катунь и верховьям Бухтармы составляло около 30 [8, с. 14]. Они располагались по рекам: Бобровке, Язовой, Тихой, Обочихе, Берелю, Нарыму, Тургусуну, Тополевке. После «императорского прощения» каменщики оставили свои «ужасные скалы и ущелья, бывшие свидетелями их беспокойной жизни и поселились в более удобных местах – в долинах притоков Бухтармы, закрепившись в деревнях: Верх-Бухтарминской (Печи), Коробихе, Осочихе, Быковой, Сенной, Язовой, Белой, Фыкалке, Мало-Нарымской [7, с. 72]. В результате, число бухтарминских поселений с 30 уменьшилось до 9, но численность каменщиков выросла.

Новые поселения своим легализованным положением создали лишнюю точку опоры Российского государства в переселенческом движении в южном направлении, они стали новыми форпостами продвижения Российского государства в этом регионе. По словам Е. Ф. Шмурло, «какой-нибудь драгун ставит избу на китайской территории и кладет основание новому поселению. ...раскольник основывает вроде скита, и скит становится ядром нового русского поселения, закрепляя освоенные земли за Российским государством [8, с. 15].

Версия, изложенная дореволюционными исследователями А. Михайловичем и П. М. Юхневым, изучавшими Уймонский край в 1897 г., касалась обстоятельств перехода в российское подданство предков уймонских старообрядцев [15, 16]. Итак, бухтарминские каменщики в 1792 г.

получили российское подданство. Но семья старообрядца Гаврилы Бочкарева, по прозвищу Бочкарь, несогласная с этим решением, отселилась от основного бухтарминского социума и укрылась в новом месте – в устье Аргута, впадавшего в Катунь. Здесь Бочкаревыми, которые занимались пашенным земледелием, и построили все необходимое для жизни: жилые и хозяйственные постройки, мельницу, удалось продержаться несколько лет, после чего они были обнаружены одним купцом, искавшим наиболее короткий торговый путь в Китайскую империю через территорию Горного Алтая. Этот купец сообщил о беглецах горным властям. На Аргут была послана воинская команда. По настоянию кабинетской администрации группа Бочкарева, изъявив покорность, покинула отдалённый и труднодоступный Аргут и перебралась на новое место. Они поселились в просторной Уймонской долине на правом берегу Катунь. Особенности возникновения селения Верхний Уймон (ныне Усть-Коксинского района Республики Алтай) были обстоятельно изложены в докладе «География оседлых населённых пунктов Ойротской автономной области» молодой исследовательницы Л. А. Устиновой, с которой она выступила на заседании Комиссии населения и городов Московского филиала Географического общества СССР. Возникновение Верхнего Уймона Л. А. Устинова датировала 1798 г., называя его первым населённым пунктом Горного Алтая [17, с. 131]. Но на самом деле первая русская деревня – это посёлок каменотесов Коргон (ныне Усть-Канского района Республика Алтай), основанный в 1787 г. Действительно, Бочкаревы были прощены манифестом Павла I от 1798 г. О том, что Верхний Уймон появился в 1898 г. в своё время писал досоветский исследователь А. Михайлович [15, с. 8].

Уймонские каменщики по указу 1798 г., как и бухтарминские в 1791 г., получили такие же налоговые, социальные и религиозные льготы. Правительство Павла I даже прислало им бороны и сохи для занятия пашенным земледелием [16, с. 17]. В новую деревню, расположенную на Уймонской степи, в первой половине XIX в. потянулись бухтарминские выходцы – староверы Нагибины, Саватеевы, Огневые, Клепиковы и другие. Процесс переселения с Бухтармы в Верхний Уймон был довольно активным [4, с. 206–207].

Таким образом, освоенные каменщиками земли были закреплены за Россией без каких-либо финансовых, материальных и людских затрат и дипломатических усилий и переданы в общее управление императорскому Кабинету, управлявшим царскими землями Алтая. Так, стараниями беглых раскольников этот регион остался за Русским государством. Старообрядцы стали надёжными точками опоры страны в этом важном геополитическом регионе России. Российское правительство, благодаря именно старообрядческому фактору, могло вносить коррективы в уточнение границы с Китаем, добиваясь для себя важных территориальных уступок [12, с. 41].

Список литературы

1. Принтц, А. Г. Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г. // Записки Императорского Русского географического общества по отделению общей географии. – Санкт-Петербург : [Б. и.], 1867. – Т. 1. – С. 544–584.
2. Ледебур, К. Ф. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / К. Ф. Ледебур, А. А. Бунге, К. А. Мейер / [пер. с нем.] ; предисл., коммент. и примеч. О. Н. Вилкова. – Новосибирск : Наука : Сиб. изд. фирма, 1993. – 340 с.
3. Беликов, Д. Н. Старинный раскол в пределах Томского края. – Томск : паровая тип. Н. И. Орлово, 1905. – 69 с.
4. Мукаева, Л. Н. Старообрядчество // Религиозные деноминации в Республике Алтай : [моногр.] / [Н. О. Тадышева и др. ; редкол. : Н. В. Екеев, Н. О. Тадышева (отв. ред.), Г. Б. Эшматова]. – Горно-Алтайск : ООО «Горно-Алтайская типография», 2015. – С. 192–224.
5. Герасимов, Б. В долине Бухтармы (Краткий историко-географический очерк) // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отделения Русского географического общества. – Семипалатинск : Тип. Семипалатинского обл. правления, 1911. – Вып. V. – С. 1–115.
6. Мамсик, Т. С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: Механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры : [моногр.]. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – 240 с.
7. Спасский, Г. И. Путешествие по Южным Алтайским горам в 1809 г. – Санкт-Петербург, 1818. – Ч. 3/4.

8. Шмурло, Е. Ф. Русские поселения за южным Алтайским хребтом на китайской границе // Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества. – Омск, 1898. – Кн. XXV. – С. 1–64.
9. Заселение Горного Алтая русскими, земельные права и отношения (из отчёта начальника Алтайского округа на 1912 г. // Памятная книжка Томской губернии на 1912 год. – Томск : Типогр. губ. управления, 1912. – Прил. – С. 75–99.
10. Гребенщиков, Г. Д. Алтайская Русь Историко-этнографический очерк // Алтайский альманах: прил. к газ. «Жизнь Алтая». – 1914. – 16 с.
11. Мукаева, Л. Н. Старообрядческие поселения в Южном Алтае в XVIII–XIX вв. // История и культура народов Саяно-Алтая в прошлом, настоящем и будущем : тез. междунар. конф. (Горно-Алтайск, 21–23 сент. 1998 г.). – Горно-Алтайск : РИО «Уинвер-Принт», 1998. – С. 51–55.
12. Мукаева, Л. Н. Взаимоотношения южно-алтайских старообрядцев с государством в XVIII–XX вв.: от противостояния к согласию // История освоения юга Сибири: экономика, политика, культура : матер. межрегион. науч.-практ. конф. (Бийск, 14–15 мая 1999 г.). – Бийск, 1999. – С. 33–46.
13. Военно-статистическое обозрение Российской империи. – Санкт-Петербург : Тип. Департамента Генерального штаба, 1849. – Т. XVII, ч. 2 : Томская губерния. – 101 с.
14. Ядринцев, Н. М. Раскольничьи общины на границе Китая. Земледелец, дипломат и воин // Сибирский сборник : прил. к «Восточному обозрению». – Санкт-Петербург : Тип. И. Н. Скороходова, 1886. – Кн. 1. – С. 21–47.
15. Михайлович, А. Русская колонизация Горного округа Алтая. – Тобольск : [Б. и.], 1896. – 96 с.
16. Очерки Алтайского края / под ред. Б. М. Быкова, А. П. Велижанина, А. М. Красноусова. – Барнаул : Сибкрайиздат, 1925. – 192 с.
17. Устинова, Л. А. География оседлых населённых пунктов Ойротской автономной области // Вопросы географии. – 1947. – Сб. 5. : География населения. – С. 125–138.

Larisa N. Moukaeva, Ph. D in History, Associate Professor
Gorno-Altaysk State University (Gorno-Altaysk, Russia)
larnika777@yandex.ru

**“A WISH TO BE IN VIEW OF THE GOVERNMENT”:
A HISTORY OF ADMISSION OF ESCAPED OLD BELIEVERS FROM ALTAI
INTO RUSSIA’S ALLEGIANCE IN THE LATE 18TH CENTURY**

Abstract. The article considers a case of re-establishment of political and law connection by South Altaian Old Believers (subethnic community of Siberian Old Believers) known in academic and local historical literature as *Bukhtarma’s* and *Uimon’s schismatic-bricklayers* with the Russian state. The author concludes: communities of Old Believers settled the Bukhtarma river valley (the territory of East Kazakhstan for now) and Uimon valley (the Altai Republic, Russia for now) who were at this time in a role of “escapee” till 1791 had made significant contribution in economic development of South West of Altai in the 18th century and through it had they helped to Russian dominancy over disputed areas located near with China. Remoteness Altai from Russian civic center and provincial capitals, economic interest of the Russian empire in political loyalty of Old Believers, as well as a possibility for Old Believers to hide from malignity of established Church (Russian Orthodox Church) in China’s borderzone – sum of this prepared Old Believers’ readiness to integration into Russian ethnic, confessional, economic, and cultural space.

Key words: *Old Belief, Old Believers, Altai, South Altaian Old Believers, Old Believers’ running-off in Altai high mountain region breaks, Bukhtarma (a river), Uimon valley, admission into Russia’s allegiance.*